

УДК 94.44

DOI 10.25688/2076-9113.2021.41.1.06

Д. А. Ростиславлев

О причинах революций XVII–XVIII веков в странах Запада

Объективно неизбежный процесс формирования централизованного государства в Новое время приводил к нарушению баланса между потребностями централизации управления и сохранявшимися у общества иными формами самоорганизации. Издержки административной централизации провоцировали тяжелые социальные и политические кризисы, являлись фундаментальными причинами революций XVII–XVIII веков в странах Запада.

Ключевые слова: революция; централизация; абсолютная монархия; война за независимость; парламент.

Причины революций традиционно становились предметом научных и идеологических дискуссий. Российский исследователь Э. Э. Шульц выделил наиболее популярные теории происхождения революций, среди них темы: «Личностный фактор» (роль правителей и должностных лиц); «Экономика» (влияние кризисов, проблем модернизации); «Массовая психология» («недовольство», в том числе «помешательство»); «Социальные причины». В зависимости от методологических подходов и целей исследования авторы соединяли эти блоки в различной последовательности и соподчиненности [29, с. 114]. Представленный выше перечень причин революций нуждается в уточнении и расширении. Нельзя при этом не согласиться с мнением Э. Э. Шульца о том, что анализ этих причин теснейшим образом связан с методологическим выбором типологии революций, который также остается предметом дискуссий.

В отечественной историографии XX века господствовала марксистская типология революций, основанная на теории смены общественно-экономических формаций. Так, революции XVII–XVIII веков в Англии и Франции, войну за независимость в США приверженцы этой теории считали ключевыми событиями цикла классических буржуазных революций Нового времени [3, с. 256; 30, с. 65–83]. Подобная трактовка роли революций во всемирно-историческом процессе сохраняется и в современных вузовских учебниках [12, с. 816].

Соответственно, универсальными причинами революций XVII–XVIII веков признавались социально-экономические факторы: противоречия между феодальными отношениями и развивавшейся рыночной экономикой, социальное неравенство, эксплуатация крестьян помещиками, демографические проблемы,

ухудшение экономического положения вследствие неблагоприятных природных факторов и т. д. Политическая сторона конфликта представляла следствием социально-экономических факторов и зачастую оценивалась как субъективная, а не универсальная предпосылка революций. Форма абсолютной монархии также исследовалась главным образом в контексте соотношения интересов дворянства и буржуазии [18, с. 138–178].

Между тем социально-экономические факторы, определявшие характер революционных событий XVII–XVIII веков, проявлялись весьма различно. Достаточно напомнить о противоположных результатах революций для подавляющего большинства населения доиндустриальной эпохи — крестьянства. В ходе Английской революции были созданы основания для сгона крестьян-копигольдеров с земли. Фактическими ее собственниками стали дворяне. В годы Французской революции, напротив, крестьяне стали собственниками земли. Причем землю получили даже жители деревень, прежде не являвшиеся крестьянами-цензитариями: батраки, арендаторы-половники. В результате Войны за независимость США установленные английским правительством ограничения на расселение колонистов на западных территориях были сняты, что содействовало развитию как фермерских, так и плантационных хозяйств, основанных на труде рабов [1; 2, с. 370–407; 14, с. 220–234].

Сведение достаточно разных по характеру исторических событий в единый цикл классических буржуазных революций привело к чрезвычайно расширенному и произвольному толкованию термина «феодализм». Напомним, в Средние века феодальное право регулировало отношения исключительно внутри рыцарского сословия [4, с. 281–314]¹. Подобная трактовка феодализма была реализована в ходе Английской революции XVII века, поскольку дворянство добилось упразднения палаты феодальных сборов, а значит, отмены средневековой вассально-ленной системы отношений с высшим сеньором — королем [11, с. 176]. Между тем во Французской революции под упразднением феодализма понималась прежде всего отмена привилегий сеньоров в отношении крестьян, жителей сеньорий, а также иных привилегий, противоречащих принципу гражданского равенства [31, с. 721–730]. Декреты об отмене феодализма во Франции принимались с 1789 по 1793 год, при этом содержание упразднявшихся привилегий дворянства всякий раз изменялось: в начале революции упразднялись главным образом личная зависимость крестьян, крепостничество, право помещичьего суда. Декретом от 17 июля 1793 года крестьяне признавались собственниками, а не держателями земель; поземельные платежи дворянам объявлялись феодальными привилегиями и упразднялись [10, с. 104–112]. На причины Войны за независимость английских колоний в Северной Америке антифеодальный фактор не оказал существенного влияния [23, с. 13–15].

¹ Г. Дж. Берман использовал для характеристики правоотношений «помещик — жители сеньории», которыми в основном являлись крестьяне, термин «манориальное право» (от *англ.* manor — поместье), тем самым противопоставляя его феодальному праву.

Отказ от марксистской трактовки исторического процесса в отечественной академической науке произошел в нулевые годы XX века. Этот феномен ярко проявился в коллективном труде «Всемирная история», изданном Институтом всеобщей истории Российской академии наук [9]. Он кажется особенно заметным при сравнении с изданием в 90-е годы XX века тем же академическим институтом многотомной «Истории Европы» [13], сохранявшей традиционную марксистскую оценку причин исторических событий. Авторы соответствующих разделов «Всемирной истории» отказались от присущего марксизму взгляда на революции как на всемирно-исторические события, предопределившие развитие западной цивилизации в Новое время. Революционные события вписываются ими в национальную историю стран. Авторы раздела «Англия в XVII веке» (М. В. Винокурова, О. В. Дмитриева) охарактеризовали революцию в этой стране как «религиозно-политический и социальный конфликт, принявший форму парламентского противостояния и гражданских войн и повлекший радикальные перемены в общественных отношениях» [8, с. 536]. В качестве непосредственных причин революции названы попытка Стюартов править без взаимодействия с парламентом, преследования пуритан и неудачная попытка утвердить англиканскую церковь в Шотландии, финансовый нажим правительства на налогоплательщиков². Авторы статей, посвященных Американской революции (К. А. Фурсов и И. Ю. Хрулева) [25; 26], особое внимание уделили конфликту между английскими колониями в Северной Америке и метрополией в контексте процесса формирования Британской колониальной империи. Из всего перечня революций XVII–XVIII веков только Французской революции во «Всемирной истории» посвящен самостоятельный раздел. По мнению автора большинства статей раздела А. В. Чудинова, «некогда хрестоматийное утверждение, что эта революция разрушила “феодальный строй”, выглядит анахронизмом» [28, с. 694]. Причинами «социального резонанса, который привел к краху Старого порядка», он назвал совпадение по времени негативных факторов, которые и раньше случались в истории Франции, но в разное время: финансового дефицита, падения цен, неурожая, фронды знати и парламентов, голодных бунтов, слабости центральной власти [27, с. 652].

Таким образом, отказ отечественных исследователей от признания антифеодального характера революций XVII–XVIII веков привел их, во-первых, к «национализации» причин этих политических событий, то есть к их объяснению исключительно логикой развития отдельных стран. А во-вторых,

² Подобный перечень разных причин и обстоятельств привел и автор единственного современного учебника по истории Английской революции С. В. Кондратьев: «Она (революция — *Д. Р.*) давно перестала казаться закономерной, но и случайной ее, на наш взгляд, назвать нельзя. Мы увидим далее, что в 1640 г. люди пришли в возбуждение из-за долго копившегося чувства ущемленности и недовольства. Причины этого недовольства были самые разные. Нам представляется, что при объяснении и освещении революции необходимо выделять демографию, социальный и экономический аспекты, религиозное и политическое напряжение, проблему “трех королевств”, локализм, двор и центральные органы управления, базовые ценностные». См.: Кондратьев С. В. Английская революция XVII века. М.: Академия, 2010. С. 25.

перечень причин оказался чрезвычайно широким, что затрудняет выявление фундаментальных оснований масштабных политических событий. Возникает вопрос: следует ли отказаться от поиска универсальных причин революций XVII–XVIII веков? На наш взгляд, такой причиной могут считаться издержки централизации власти и управления в странах Запада в Новое время.

Формирование современного централизованного государства с рациональной системой управления является важнейшим фактором истории Нового времени. В Средние века в Европе такой тип государств был невозможен из-за отсутствия достаточных средств для содержания постоянной армии и разветвленного бюрократического аппарата. Поэтому многие функции власти и управления передавались на места, структурам, которые формировались обществом, а не повелениями государей. В период ранней государственности у народов, расселившихся на территориях, некогда входивших в состав Римской империи, важную роль играли общинно-племенные структуры власти и управления: народное ополчение, общинное самоуправление, суды сотен и т. д. В эпоху сеньориальных монархий в IX–XIII веках административные, судебные, нормотворческие функции на местах закреплялись посредством иммунитетных грамот за вассалами — наследственными владельцами ленов, а также за различными корпорациями: городских жителей, торговцев, церкви и др., — в которые объединялись подданные королевств вследствие слабости центральной власти. Исследователь средневекового права Г. Дж. Берман указывал на ограниченность королевской юрисдикции, что, по его мнению, давало подданным право на сопротивление неправомерным приказам монархов [4, с. 382]. При сословно-представительном правлении в Англии сформировалась формула высшей власти — «король в парламенте». Влияние сословно-представительных органов в других монархиях было не столь велико, но весьма заметно.

Великие географические открытия привели к масштабному притоку драгоценных металлов и новых товаров в западноевропейские страны [17, с. 493–500]. Резко возросшие финансовые и иные материальные ресурсы, которыми стали располагать монархи, позволили создать централизованную рациональную систему управления, содержать постоянные профессиональные армии. Монархи подчинили национальные церкви фактически (например, галликанскую церковь во Франции), а порой и фактически, и формально (например, англиканскую церковь). Экономическая политика меркантилизма была призвана обеспечить государственные расходы, неизмеримо выросшие в сравнении с временами, когда многие функции власти и управления осуществлялись сеньорами, средневековыми корпорациями.

Радикальное расширение функций государства зачастую болезненно воспринималось обществом. Население было недовольно резко возросшим налоговым прессом. Демонтаж или снижение реального влияния традиционных, исторически сформировавшихся учреждений сопровождалось многочисленными издержками и, естественно, воспринимались подданными как нарушение

их прав. Возрастало напряжение в отношениях между королевскими дворами, столицами, где концентрировались национальные богатства, с одной стороны, и провинцией — с другой.

Централизация власти и управления в странах Запада была следствием универсального процесса формирования абсолютной монархии, но в разных странах она имела свои особенности. В Англии институты абсолютизма появились в XVI веке, при правлении династии Тюдоров. К ним относились англиканская церковь, Тайный совет, вобравший административные, военные, нормотворческие и судебные функции, чрезвычайные (прерогативные) суды — Звездная палата, Высокая комиссия; произошло создание наместничеств, управляемых лордами-лейтенантами, при которых формировался аппарат из заместителей, капитанов, а также Советов Севера и Уэльса. При этом сохранялись традиционные органы общественной самоорганизации: городское самоуправление с выборными мэрами и городскими советами, выборные сельские констебли. Шерифов и мировых судей правительство назначало из местных авторитетных жителей. Четыре раза в год собиралось дворянство графств и сотен для решения местных дел. Работал и главный орган самоорганизации — английский парламент, орган нормотворческий, судебный, принимавший решения о налогообложении подданных [15; 34].

Политический конфликт возник в XVII веке, при правлении династии Стюартов, когда был нарушен естественно сложившийся баланс между административной централизацией и самоорганизацией общества. В программном документе «Истинный закон свободной монархии» основатель новой династии Яков I объявил о королевской прерогативе, означавшей, что король стоит над законом, может изменять, приостанавливать действия принятых статутов и править без парламента. Вслед за этим начались периоды беспарламентских правлений Якова I и Карла I, сбор налогов без согласия парламента, расширение практики чрезвычайного правосудия, злоупотребление административным ресурсом, расправа с оппозицией, преследование противников англиканской государственной церкви. Оппозиция Стюартам объединялась требованиями сохранения прав и свобод, основанных на законной судебной процедуре и на историческом праве, в частности на Великой хартии вольностей и статутах, гарантировавших функционирование органов общественной самоорганизации, в особенности парламента³. В 1640 году в результате ожесточенной борьбы с королем парламента вышел за пределы исторического права, закрепляя за собой правомочия самостоятельно созываться и распускаться, участвовать в назначении должностных лиц, упразднил чрезвычайные суды, судебные полномочия Тайного совета. Нарушение исторической конституции означало переход к новой, революционной фазе политического конфликта. «Великая ремонстрация», принятая парламентом в 1641 году, но не подписанная Карлом I, — это программа конституционной монархии [11, с. 134–135]. Таким

³ См., например, текст «Петиции о праве» [11, с. 21–24].

образом, Английская революция была спровоцирована стремлением правительства Стюартов усилить централизацию власти и управления, упразднить или ослабить традиционные учреждения самоорганизации общества. Это вызвало сопротивление со стороны общества, поднявшегося на защиту парламента и исторического права.

Американскую революцию, или Войну за независимость США 1775–1783 годов нельзя назвать антиабсолютистской. Конфликт североамериканских колоний с метрополией произошел не при Стюартах, тяготивших к установлению как можно более полной формы абсолютизма, а почти через столетие после Славной революции в Англии, утвердившей в стране конституционное правление. При этом Американская революция проходила в форме сопротивления стремлениям английского правительства усилить контроль над колониями, уменьшить влияние местных учреждений, представлявших интересы колонистов.

Вследствие особенностей географического (удаленность от метрополии) и исторического характера (заселение колоний общинами и частными лицами, которые реализовывали в Новом Свете свои идеалы общественного, религиозного и политического устройства) между метрополией и колониями сформировалось разделение функций. В сферу компетенции английского правительства входили вопросы внешнеполитические, оборона колоний от французов и индейцев, контроль за внешней торговлей колонистов (следствие доктрины меркантилизма), организация почтового сообщения. Представителями короля в большинстве колоний (в 8 из 13) были губернаторы. В Мэриленде, Каролине и Пенсильвании они назначались собственниками колоний, а в Род-Айленде и Коннектикуте избирались колонистами. Губернаторы обладали всей полной административной властью, назначали должностных лиц, включая судей, обладали правом абсолютного вето в отношении решений колониальных ассамблей. Губернаторы опирались на советы из влиятельных колонистов, назначенных на эти должности королем или собственниками колоний. Органами представительства колонистов были выборные ассамблеи, занимавшиеся нормотворчеством, утверждением налогов, контролем за финансами. Жалование губернатора и его аппарата зависело от ассамблей. Большинство колонистов, выходцев из Англии, считали себя защищенными правовой традицией этой страны, в том числе и посредством законной судебной процедуры — колонисты заимствовали из метрополии систему общего права. Королевские хартии закрепляли права колонистов по аналогии с английскими подданными, а именно: свободу вероисповедания, передвижения, равенство перед законом, суд присяжных и др. [7, с. 11–18; 21; 23, с. 20–29].

Изменение колониальной политики Англии произошло после Семилетней войны (1756–1763), когда она захватила в Северной Америке колонии Франции (Канаду, Восточную Луизиану) и присоединила испанскую Флориду. Укрепились позиции Англии в Индии, в Африке у Франции была отвоевана ее колония Сенегал. Управление грандиозной колониальной империей потребовало радикальной административной реформы. Стержнем этой реформы являлась

централизация управления, ограничение деятельности местных представительных учреждений, увеличение налогообложения. Отметим, что подобная политика «проконсульского деспотизма» (выражение английского историка К. Бэйли) продолжалась в Индии и в других сохранившихся у Англии колониях до 30-х годов XIX века [25, с. 608]. Российский историк В. В. Согрин писал: «С 1760-х гг. Великобритания фактически стала править в Северной Америке наподобие абсолютных монархий» [23, с. 30]. Между тем колонисты после изгнания французов из Северной Америки уже гораздо меньше нуждались в военной поддержке со стороны метрополии. Поэтому ранее существовавшие ограничения в торговле и производстве, связанные с политикой меркантилизма, казались им менее оправданными. А новые ограничения, в особенности введение налогов без согласия представительных органов колонистов, вызвали возмущение и силовой отпор, что в итоге привело к войне за независимость. Большая часть текста знаменитой Декларации независимости 1776 года посвящена обвинениям английского короля в нарушении исторических прав колонистов. «История нынешнего короля Великобритании полна беспрестанных несправедливостей и узурпаций, прямо клонившихся к тому, чтобы ввести неограниченную тиранию в этих штатах», — так описано Т. Джефферсоном существо конфликта. По форме и содержанию эта часть текста декларации похожа на «Великую ремонстрацию» 1640 года. Как и в английском документе, подавляющее большинство статей посвящено защите представительных собраний и независимых судов в колониях, упоминается о нарушениях хартий вольностей. Подобно английскому Биллю о правах 1689 года конституционные учреждения, сформированные в ходе Американской революции, гарантировали общественную и личную свободу на основе принципов разделения властей, защиты прав личности. Дополнительной гарантией против злоупотреблений центральной власти в США стал принцип федерализма, закрепленный в тексте конституции и в Билле о правах 1791 года [5, с. 46–90].

Во Франции в XVII веке происходили гражданские конфликты, обусловленные резким ростом административной централизации. Но в отличие от Англии сторонники расширения функций центральной власти во Франции сумели победить. Была упразднена самоорганизация протестантской церкви, крепости гугенотов перешли под контроль правительственных войск, Нантский эдикт, закрепивший привилегии протестантов, отменен в 1685 году, король стал фактическим главой государственной галликанской церкви. Генеральные штаты перестали созываться с 1614 года, законодательные функции были окончательно закреплены за монархом, как и функции налогообложения. Центральным органом управления стал реорганизованный в 1661 году Королевский совет, в состав которого входили профильные советы. Совет обладал также нормотворческими функциями, административной юрисдикцией и осуществлял чрезвычайное правосудие. Деятельность совета обеспечивали многочисленные бюро [16, с. 42–54]. Центральным аппаратом управления руководили министры — статс-секретари. В провинциях преобладающее влияние получили

королевские комиссары — интенданты, которые обеспечивали сбор налогов, обладали правом финансового контроля за городами и сельскими общинами и исполняли поручения правительства [19, с. 484–485; 20, с. 565–580]. Выдающийся исследователь Старого порядка А. Токвиль обращал особое внимание на практику централизации власти. Хотя на местах сохранялись выборные учреждения, формально независимые от чиновников суды, фактически же они оказались полностью встроены в административную вертикаль. Благодаря институту эвокации интенданты передавали важные, с их точки зрения, дела в юрисдикцию чрезвычайных судов, которые им подчинялись [24, с. 43–65]. «В XVIII веке центральная власть во Франции... уже успела разрушить всякую промежуточную власть, и между частными лицами и ею не осталось ничего, кроме громадного пустого пространства», — замечал А. Токвиль [24, с. 74]. За это, однако, пришлось заплатить дорогой для общества ценой. Стремясь избежать гражданских конфликтов, создатели абсолютной монархии компенсировали корпорациям, сословиям и представителям элиты утрату средневековых свобод и властных полномочий, закрепив за ними привилегии социально-экономического, фискального, профессионального свойства. Это оказывало постоянно растущую нагрузку на бюджет, который должен был обеспечивать наличие самой крупной в Европе постоянной армии, многочисленного бюрократического аппарата, двора. Кризис управления проявлялся в форме бюджетного дефицита, что побуждало правительство заниматься продажей должностей и дополнительно усложняло административную систему. Другой путь латания бюджета — введение новых налогов, продажа права взимания налогов финансистам — вызывал противодействие со стороны общества. Высший суд — Парижский парламент — пытался присвоить себе роль национального представительного органа вместо Генеральных штатов. В его компетенцию входила регистрация актов правительства. Отказ парламента регистрировать налоги периодически приводил к кризисам властной системы Старого порядка [33].

Современная исследовательница истории предреволюционной Франции Л. А. Пименова отмечала присущий французской монархии Старого порядка личностный характер правления: «Ответственное политическое решение могло приниматься монархом, исходя не только и даже не столько из принципиальных, сколько из личных соображений или под влиянием ближайшего окружения, а опала министра влекла за собой отказ от проводившейся им политики» [22, с. 218]. Отсутствие противовесов королевской власти негативно влияло на принимавшиеся решения. Приведем оценку действий короля-солнца Людовика XIV в поздний период правления, данную исследователем Ф. Блюшем, который высоко оценивал вклад этого монарха в формирование государственности Франции: «Его спокойная авторитетность ... сменилась старческим склеротическим авторитаризмом» [6, с. 693]. Регентство Филиппа Орлеанского, правления Людовика XV и Людовика XVI подтверждают наблюдения о личном характере правления.

Сверхцентрализованное, негибкое в управлении бюрократическое государство, неразрывно связанное с системой привилегий, было разрушено революцией. Большинство статей Декларации прав человека и гражданина 1789 года посвящены обеспечению свобод: общественной и личной. Принципы разделения властей и народного суверенитета, закрепленные в этой декларации и в последующих конституционных актах, провозглашали создание государства нового типа, которое находилось под контролем общества [32; 35].

Сравнительный анализ революций XVII–XVIII веков, в значительной степени повлиявших на развитие цивилизации в странах Запада, позволяет сделать вывод об их обусловленности реакцией общества на издержки, которые сопровождали объективно неизбежный процесс формирования централизованного государства. Баланс между потребностями централизации власти и управления и сохранением иных форм самоорганизации общества в ходе этого процесса перманентно нарушался, что приводило к тяжелым социальным и политическим кризисам. В ходе революций административная централизация была ограничена представительными формами правления. В Англии и США стабильность этих форм была обусловлена сохранением дееспособных исторических учреждений, в частности парламента, ассамблей штатов (правопреемниц колониальных ассамблей), независимых судов. Во Франции в XVII–XVIII веках традиционные формы власти и управления были упразднены или чрезвычайно ослаблены. Поэтому процесс формирования либерально-демократического государства в этой стране затянулся и неоднократно прерывался авторитарными режимами, зачастую основанными на личном характере правления.

Литература

1. Адо А. В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М.: МГУ, 1987. 448 с.
2. Архангельский С. И. Аграрная политика и аграрное законодательство Английской революции // Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. / под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 494 с.
3. Барг М. А., Черняк Е. Б. Великие социальные революции XVII–XVIII веков. М.: Наука, 1989. 256 с.
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Норма, 1998. 624 с.
5. Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.
6. Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
7. Бурстин Д. Американцы. Колониальный период. М.: Прогресс, 1993. 480 с.
8. Винокурова М. В., Дмитриева О. В. Англия в XVII веке // Всемирная история: в 6 т. / под ред. В. А. Ведюшкина, М. А. Юсима. Т. 3. М.: Наука, 2013. С. 534–552.
9. Всемирная история: 6 т. / под ред. А. О. Чубарьяна. М.: Наука, 2011–2017.
10. Документы истории Великой французской революции: в 2 т. Т. 2. М.: МГУ, 1992. 352 с.
11. Законодательство английской революции 1640–1660 гг. / сост. Н. П. Дмитриевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 382 с.

12. История государства и права зарубежных стран: в 2 т. / под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. Т. 2. М.: Норма, 2019. 816 с.
13. История Европы: в 8 т. / под ред. З. В. Удальцовой; А. О. Чубарьяна и др. Т. 1–5. М.: Наука, 1988–1994. 2677 с.
14. История США: в 4 т. / под ред. Г. Н. Севостьянова. Т. 1. М.: Наука, 1983. 687 с.
15. Кондратьев С. В. Английская революция XVII века. М.: Академия, 2010. 192 с.
16. Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 246 с.
17. Малов В. Н. Европа и мир: экономическая конъюнктура // Всемирная история: в 6 т. / под ред. В. А. Ведюшкина, М. А. Юсима. Т. 3. М.: Наука, 2013. С. 493–500.
18. Малов В. Н. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века // История Европы: в 8 т. Т. 4 / под ред. С. Я. Карпа. М.: Наука, 1994. С. 138–178.
19. Малов В. Н. Тенденции развития государственности: абсолютизм // Всемирная история: в 6 т. / под ред. В. А. Ведюшкина, М. А. Юсима. Т. 3. М.: Наука, 2013. С. 482–492.
20. Малов В. Н. Франция в XVII веке. // Всемирная история: в 6 т. / под ред. В. А. Ведюшкина, М. А. Юсима. Т. 3. М.: Наука, 2013. С. 565–580.
21. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М.: Арена, 1993. 320 с.
22. Пименова Л. А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // Французский ежегодник 2005. М.: Наука, 2005. С. 195–222.
23. Согрин В. В. Политическая история США. XVII–XX вв. М.: Весь мир, 2001. 400 с.
24. Токвиль А. Старый порядок и революция / под ред. П. Г. Виноградова. М.: Рихтер, 1911. 308 с.
25. Фурсов К. А. Эволюция британской империи // Всемирная история: в 6 т. / под ред. С. Я. Карпа. Т. 4. М.: Наука, 2013. С. 589–621.
26. Хрулева И. Ю. Война за независимость и образование США // Всемирная история: в 6 т. / под ред. С. Я. Карпа. Т. 4. М.: Наука, 2013. С. 622–643.
27. Чудинов А. В. Истоки революции // Всемирная история: в 6 т. / под ред. С. Я. Карпа. Т. 4. М.: Наука, 2013. С. 644–654.
28. Чудинов А. В. Французская революция и мир // Всемирная история: в 6 т. / под ред. С. Я. Карпа. Т. 4. М.: Наука, 2013. С. 694–706.
29. Шульц Э. Э. Причины революций: «голова или кошелек?» // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. С. 102–119.
30. Шульц Э. Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 683.
31. Furet F. Feodalite // Dictionnaire critique de la revolution francaise. Paris: Flammarion, 1988. P. 721–730.
32. Gauchet M. Droits de l homme // Dictionnaire critique de la revolution francaise. Paris: Flammarion, 1988. P. 685–695.
33. Goubert P. L'. Ancien Regime, vol. 1–2. Paris: Armand Colin, 1969. 487 p.
34. Graves M. A. R. The Tudor Parliaments: Crown, Lords, and Commons, 1485–1603. London: Paperback, 1987. 182 p.
35. Ozouf M. Liberte // Dictionnaire critique de la revolution francaise. Paris: Flammarion, 1988. P. 763–775.

Literatura

1. Ado A. V. Krest'yane i Velikaya francuzskaya revolyuciya. Krest'yanskoe dvizhenie v 1789–1794 gg. M.: MGU, 1987. 448 s.
2. Arxangel'skij S. I. Agrarnaya politika i agrarnoe zakonodatel'stvo Anglijskoj revolyucii // Anglijskaya burzhuaznaya revolyuciya XVII veka: v 2 t. / pod red. E. A. Kosminskogo i Ya. A. Leviczko. T. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 494 s.
3. Barg M. A., Chernyak E. B. Velikie social'ny'e revolyucii XVII–XVIII vekov. M.: Nauka, 1989. 256 s.
4. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: e'poxa formirovaniya. M.: Norma, 1998. 624 s.
5. Bernam U. Pravovaya sistema SShA. M.: Novaya yusticiya, 2006. 1216 s.
6. Blyush F. Lyudovik XIV. M.: Ladomir, 1998. 815 s.
7. Burstin D. Amerikancy. Kolonial'ny'j period. M.: Progress, 1993. 480 s.
8. Vinokurova M. V., Dmitrieva O. V. Angliya v XVII veke // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / pod red. V. A. Vedyushkina, M. A. Yusima. T. 3. M.: Nauka, 2013. S. 534–552.
9. Vsemirnaya istoriya: 6 t. / pod red. A. O. Chubar'yana. M.: Nauka, 2011–2017.
10. Dokumenty' istorii Velikoj francuzskoj revolyucii: v 2 t. T. 2. M.: MGU, 1992. 352 s.
11. Zakonodatel'stvo anglijskoj revolyucii 1640–1660 gg. / sost. N. P. Dmitrievskij. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1946. 382 s.
12. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhny'x stran: v 2 t. / pod red. N. A. Krasheninikovoj, O. A. Zhidkova. T. 2. M.: Norma, 2019. 816 s.
13. Istoriya Evropy': v 8 t. / pod red. Z. V. Udal'czovoj; A. O. Chubar'yana i dr. T. 1–5. M.: Nauka, 1988–1994. 2677 s.
14. Istoriya SShA: v 4 t. / pod red. G. N. Sevost'yanova. T. 1. M.: Nauka, 1983. 687 s.
15. Kondrat'ev S. V. Anglijskaya revolyuciya XVII veka. M.: Akademiya, 2010. 192 s.
16. Koposov N. E. Vy'sshaya byurokratiya vo Francii XVII veka. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. 246 s.
17. Malov V. N. Evropa i mir: e'konomicheskaya kon`yunktura // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / pod red. V. A. Vedyushkina, M. A. Yusima. T. 3. M.: Nauka, 2013. S. 493–500.
18. Malov V. N. Evropejskij absolyutizm vtoroj poloviny' XVII – nachala XVIII veka // Istoriya Evropy': v 8 t. / pod red. S. Ya. Karpa. T. 4. M.: Nauka, 1994. S. 138–178.
19. Malov V. N. Tendencii razvitiya gosudarstvennosti: absolyutizm // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / pod red. V. A. Vedyushkina, M. A. Yusima. T. 3. M.: Nauka, 2013. S. 482–492.
20. Malov V. N. Franciya v XVII veke. // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / pod red. V. A. Vedyushkina, M. A. Yusima. T. 3. M.: Nauka, 2013. S. 565–580.
21. Ostrom V. Smy'sl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravlyayushheesya obshhestvo. M.: Arena, 1993. 320 s.
22. Pimenova L. A. Vlast' monarxa absolyutna, no ne proizvol'na: Lyudovik XVI i parlamenti' v 1774 g. // Francuzskij ezhegodnik 2005. M.: Nauka, 2005. S. 195–222.
23. Sogrin V. V. Politicheskaya istoriya SShA. XVII–XX vv. M.: Ves' mir, 2001. 400 s.
24. Tokvil' A. Stary'j poryadok i revolyuciya / pod red. P. G. Vinogradova. M.: Rixter, 1911. 308 s.
25. Fursov K. A. E'volyuciya britanskoj imperii // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / pod red. S. Ya. Karpa. T. 4. M.: Nauka, 2013. S. 589–621.
26. Xruleva I. Yu. Vojna za nezavisimost' i obrazovanie SShA // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / pod red. S. Ya. Karpa. T. 4. M.: Nauka, 2013. S. 622–643.

27. Chudinov A. V. Istoki revolyucii // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / pod red. S. Ya. Karpa. T. 4. M.: Nauka, 2013. S. 644–654.
28. Chudinov A. V. Francuzskaya revolyuciya i mir // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. / pod red. S. Ya. Karpa. T. 4. M.: Nauka, 2013. S. 694–706.
29. Shul`cz E`. E`. Prichiny` revolyucij: «golova ili koshelek?» // Istoricheskaya psixologiya i sociologiya istorii. 2014. № 1. S. 102–119.
30. Shul`cz E`. E`. Tipologiya revolyucij: istoriya sozdaniya i sovremennoe sostoyanie // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2014. № 1. S. 683.
31. Furet F. Feodalite // Dictionnaire critique de la revolution francaise. Paris: Flammarion, 1988. P. 721–730.
32. Gauchet M. Droits de l homme // Dictionnaire critique de la revolution francaise. Paris: Flammarion, 1988. P. 685–695.
33. Goubert P. L`. Ancien Regime, vol. 1–2. Paris: Armand Colin, 1969. 487 p.
34. Graves M. A. R. The Tudor Parliaments: Crown, Lords, and Commons, 1485–1603. London: Paperback, 1987. 182 p.
35. Ozouf M. Liberte // Dictionnaire critique de la revolution francaise. Paris: Flammarion, 1988. P. 763–775.

D. A. Rostislavlev

On the Causes of the Revolutions in the 17th – 18th Centuries in Western Countries

The objectively inevitable process of the formation of a centralized state in modern times led to an imbalance between the needs for centralization of management and other forms of self-organization that remained in society. The costs of administrative centralization provoked severe social and political crises and were the fundamental causes of the revolutions of the 17th – 18th centuries in Western countries.

Keywords: revolutions; centralization; absolute monarchy; war for independence; parliament.